

Возникает чувство, что с обеих сторон почти смирились с таким ходом развития политики, что сохраняет поле деятельности для исламистов, предопределяет угрозу с их стороны. Эта угроза, с одной стороны, реактивна, ибо является ответом на глобализацию – политическую, идеологическую, культурную активность Запада. Но, с другой стороны, ей присуща внутренняя энергетика, исламисты самодостаточны, они следуют своей логике, опираются на некоторые близкие им компоненты исламской традиции, политической культуры. Исламистская угроза носит разносторонний характер, с ней сталкиваются мусульманские режимы, отдельные государства Запада, Россия. Актуальность исламистского проекта на разных уровнях – локальном, национальном, региональном, мировом – остается реальной сегодня и сохранится в будущем. А невозможность реализации этого проекта стимулирует его участников к продолжению борьбы за свою цель. Однако единственного метода преодоления исламистской угрозы нет и не может быть. Одним способом противодействия ей является координация усилий всего мирового сообщества, другим – выбор каждым из его членов своих собственных конкретных средств ее предупреждения. Наконец, остаются уже подтвержденные временем возможности вести диалог с умеренным, прагматично настроенным крылом исламистов.

«Arabia Vitalis: Арабский Восток, ислам, Древняя Аравия», М., 2005 г.

Леонид Васильев,
доктор исторических наук
ИСЛАМ И ТЕРРОР

В последние десятилетия мир сотрясают террористические акты, едва ли не 90% которых совершаются теми, кто имеет отношение к исламу. Радикализация этой религии вполне определенно опирается на толкование ряда заповедей Корана. И как ни изошряться в политкорректности, невозможно отрицать, что террористы, о которых идет речь, очень тесно связаны именно с исламом, что они преданы идеям, запечатленным в Коране (неважно, как их интерпретируют более умеренные мусульмане), что они, с готовностью убивая других, умирают со словами «Аллах Акбар!». По-

этому стоит попытаться понять, почему, спустя почти полтора тысячелетия после появления ислама, стало возможным возникновение столь мощного, энергичного, использующего террор движения, как современный исламизм.

Ислам возник не в условиях сложившейся государственности и не для сакрализации внутренней устойчивости и моральных стандартов стабильного общества. Напротив, эта религия формировалась в ходе ожесточенных боевых схваток, в которых принимал активное участие сам ее создатель – Мухаммед. Именно в контексте военных действий, сначала против соотечественников-арабов, а затем и соседних с ними народов, ислам за короткий срок сумел распространиться на огромной территории Евразии, от Ирана до Испании. Особенно успешно завоевания шли при первых преемниках Мухаммеда, так называемых четырех праведных халифах. Обратив в свою веру множество завоеванных народов, мусульмане на протяжении ряда веков превратили малочисленную, но воодушевленную идеей и оказавшуюся предельно воинственной силой группу адептов ислама в единую и хорошо организованную государственную структуру – Арабский халифат. Это государственное образование нельзя рассматривать как империю в прямом смысле слова прежде всего потому, что цементирующей его основой была не политика, а религия. Ведь вышедшие из песков Аравии арабы, в основном кочевники-бедуины, в подавляющем большинстве не очень грамотные и образованные, но зато искренне поверившие в идею ислама, необычайно активные и воинственные, именно благодаря своей истовой и непоколебимой вере сумели добиться огромных воинских успехов и исламизировать покоренные народы. Исламизации, которая внедрялась не без сильного давления со стороны завоевателей, способствовала проводившаяся ими экономическая политика, предусматривавшая большие налоговые льготы тем, кто добровольно принимал ислам. Это в свою очередь, хотя и гораздо более медленными темпами, вело к арабизации подавляющего большинства завоеванного населения. Что в немалой мере было связано даже не столько с государственным статусом арабского языка, сколько с тем, что это был язык Корана и иных религиозных текстов и на нем шло обучение подрастающего поколения. Все сказанное свидетельствует о том, что главной силой мусульман, распространившихся на огромной территории, была именно идея, сформулированная Мухаммедом, –

идея конфессиональной солидарности. Эта идея проста, доступна для каждого, но тем не менее именно она для любого мусульманина всегда была великой и первичной. Сначала ты мусульманин, а уж потом представитель того либо иного народа, подданный какого-либо исламского государства, будь то первоначально единый халифат или позже пришедшие ему на смену многочисленные эмираты, султанаты и ханства. Мусульмане до сих пор считают всех принявших ислам членами единой великой уммы. Для всех вместе и для каждого в отдельности великий и милосердный Аллах являет собой вышнюю, всемогущую, всеблагую и всемилостивейшую силу, перед лицом которой человек не более чем песчинка. Аллах требует абсолютной преданности, поклонения и полного послушания, и каждому его слову все (кто не входит в их число – гяур, т.е. неверный) обязаны внимать и исполнять. А волю Аллаха на Земле призваны выражать его представители, будь то религиозно-политические лидеры вроде халифов, султанов, эмиров, шейхов или ученые улемы (знатоки ислама) – различного рода муллы, муалави, муфтии и т.д.

Итак, все на Земле везде, всегда и для всех зависит от воли Аллаха, передаваемой людям его мудрыми представителями, первым из которых был Пророк Мухаммед. Все, чего хотел Всевышний, было передано ему при жизни через архангела Джебрайла. И, по убеждению всех мусульман (кто в этом сомневается – опять-таки гяур), из речей Мухаммеда и сложилась священная книга Коран, которая считается несотворенной именно потому, что бывший неграмотным пророк не писал ее, но лишь передавал как посредник волю Аллаха. Оставив в стороне предание об архангеле Джебрайле, важно отметить, что мудрость Корана во многом восходит к мудрости Библии. Дело в том, что первую часть своей жизни Мухаммед общался с иудеями и христианами, перевозившими с помощью арабов-бедуинов свои товары, внимательно слушая богословские споры и разного рода мудрые изречения из их священных книг. Естественно, Коран – вовсе не копия Библии: в нем очень много того, что было тесно связано с жизнью арабов – соплеменников Пророка. Но в данном случае важнее указать на иное обстоятельство: содержание священной книги мусульман противоречиво. Это вполне естественно, если учесть, что склонный к возбуждению и, возможно, галлюцинациям Мухаммед не очень четко воспринимал многое из слышанного и тем более – из

того, что ему являлось во сне, когда, как он считал, и шло общение с посланцем Аллаха. Такая нечеткость, иногда неясность, естественно, всегда порождала различные, порой противоречившие друг другу интерпретации. Существует предание, будто бы сам Пророк, которого еще при жизни упрекали в противоречиях, отвечал: что ж, коль так, значит, сам Аллах изменил свою волю. Канонический же текст Корана вообще создавался после смерти Мухаммеда: по приказу первых халифов изречения Пророка, записанные его секретарем, были сведены в единый массив.

И неудивительно, что в сложной системе толкования Корана (тафсир) сложился институт насха (отмены). Чтобы избежать разнотолков, мусульманские богословы договаривались считать те или иные аяты отмененными (мансух), а другие – заменяющими их (насих). Число противоречий, по некоторым данным, достигает 225, а отмененные аяты содержатся в более чем 40 сурах (главах). Стараниями специалистов частично удалось свести к минимуму количество разночтений в Коране. Однако привести все сказанное в нем к строгому внутреннему соответствию и тем более – обеспечить логически непротиворечивую последовательность всего в нем сказанного так и не удалось. В итоге многие постулаты Корана остались недостаточно ясными, чем и пользуются в наши дни желающие увидеть в тексте священной книги то, что им больше по душе. При этом из всех спорных или противоречивых позиций различных аятов Корана в свете интересующей нас темы самое важное место заняли отношения правоверных с неверными. Суть проблемы в том, что, с одной стороны, Аллах – всемилостивейший и милосердный, а с другой и в ином контексте – строгий и даже жестокий, особенно по отношению к неверным, т.е. к немусульманам и почему-либо не желающим ими стать. Более того, в отдельных аятах изложение текстов можно понимать и трактовать по-разному, причем серьезный текстологический спор возможен лишь при работе с арабским оригиналом. Но даже приняв это во внимание, важно подчеркнуть, что оперирование лингвистическими тонкостями не слишком меняет суть дела. Принципиально резкие расхождения в понимании одного и того же текста не только возможны, но и реальны. Мало того, они не просто существуют, но и играют огромную роль в спорах, особенно в наши дни, когда ревностным радикалам-фундаменталистам противостоят умеренные знатоки ислама.

Речь здесь идет о следующем: иногда текст Корана однозначно дает понять, что скверные последствия грозят жизни всех гяуров; иногда просто предлагает сражаться с ними; а в некоторых редких случаях говорит и о том, что их следует поголовно уничтожать в ходе священной войны – джихада. Последние высказывания сегодня вызывают особенно горячие споры среди мусульманских богословов. Умеренные из их числа обычно настаивают на том, что понятие «джихад» тоже имеет разные оттенки, поддается различным толкованиям и поэтому не следует его воспринимать только как призыв к войне. Но как бы то ни было, факт остается фактом: в Коране есть опора для радикального исламизма. И сегодняшние боевики, тем более фанатичные шахиды, готовые умереть за веру, видя основной смысл заповедей именно в борьбе с неверными, прежде всего с ненавистным им «аморальным» Западом, обычно носят при себе те выдержки из Корана, в которых об этом сказано наиболее четко. Но почему сторонники радикально-фундаменталистского ислама считают, что всех неверных надо уничтожать? Ответ на этот вопрос обычно формулируется примерно так. В мире есть только два типа людей: члены великой уммы – преданные слуги и воины Аллаха, и все остальные – его враги. Задача правоверных обратить неверных в истинную веру. Конечно, лучше сделать это добром, но если не получается, можно применить и силу. Так поступал в свое время и сам Пророк, таким напутствием сопровождал первые поколения воинственных мусульман священный Коран. Это отнюдь не означает, что все мусульмане всегда стремились уничтожить тех, кто не придерживался их религии. Наоборот, в том же Коране можно найти недвусмысленные указания на то, что к «людям Писания» (иудеям и христианам) следует относиться дружелюбно, ибо они заслуживают большего уважения, чем, скажем, язычники. И в завоеванных арабами странах всегда жило немало представителей иных конфессий. Однако это никак не означает, что отношение к таким людям всегда и при любых условиях должно быть терпимым. Напротив, бывают ситуации, когда подобного рода толерантность просто недопустима, о чем тоже есть соответствующие высказывания в Коране. Полистав его, без труда можно узнать, сколь гневно Аллах высказывается, например, о сторонниках Муссы (Моисея).

Важно указать на такую очень характерную особенность ислама – жесткость и четкую определенность всех норм жизни. Пять

раз в день каждый мусульманин обязан молиться – совершать намаз. Кто не делает этого – неверный. Человеку, не рожденному мусульманином и не привыкшему с детства к подобным обязательствам, такая практика может показаться весьма утомительной, но для правоверного это так же естественно, как для других умываться, одеваться, обедать и ложиться спать. Бывают, конечно, исключения – для больных, немощных, малых детей, но не более того. Даже воины обязаны чуть ли не в период боевых действий соблюдать такого рода ритуал. Следует также держать строгий пост в месяц Рамазан: с раннего утра до позднего вечера (а точнее от зари до зари) нельзя ни есть, ни пить, что особенно тяжело, ибо пост приходится на летние месяцы.

Для ислама характерна и еще одна группа правил, специфичная, правда, не только для этой конфессии, но именно в ней соблюдаемая особенно неукоснительно, – отношение к женщине. Ни в одной другой религии нет столь строгого требования прятать ее от чужого глаза, буквально закутывая с ног до головы в разного рода обязательные одежды. Иногда часть лица разрешают оставлять открытой, но волосы – никогда (именно для этого на голову надевают платок-хиджаб), в некоторых случаях закрывают все лицо, накрывая голову густой сетью паранджи. Ни в одной религии женщина не считается в такой степени приобретенной за плату (калым) принадлежностью своего хозяина. Каждый мусульманин вплоть до сегодняшнего дня, за редким исключением некоторых стран, где это не поощряется либо запрещается, имеет право приобретать нескольких жен с единственным обязательным условием: он должен иметь средства для их содержания. Ни в одной другой религии женщина в такой степени не унижена в правовом отношении. По букве многих школ шариата (исламского права) в судопроизводстве женщина воспринимается как половина, мужчина – единица, и противостоять ему могут только две женщины, ибо лишь вдвоем они составляют единицу. Список подобного рода норм легко продолжить.

Естественно, не следует думать, что вся религия мусульман сводится только к этому. Исламу как вероучению и как образу жизни присущи многие привлекательные черты: социальная поддержка слабых (закят – налог с имущих в пользу бедных); отказ от потребления вина, не позволяющий мужчинам терять контроль над собой, особенно в своей семье; склонность жить большими

сплоченными сообществами (махалля), в которых доминирует взаимопомощь (правда, вкупе со строгим контролем над выполнением его членами всех норм ислама), да и многие другие принципы повседневного существования, позволяющие чувствовать локоть друг друга и при случае вполне обоснованно надеяться на поддержку. Обо всем этом стоит упомянуть хотя бы для того, чтобы не создалось впечатления, будто ислам – это нечто вроде строгой секты тоталитарного типа, какие нередко встречаются в сегодняшнем мире. Если бы дело обстояло так, он не обладал бы столь притягательной силой для многих: на протяжении веков люди часто не только по принуждению и под действием экономических стимулов, но и вполне добровольно принимали его. Справедливость требует добавить, что гораздо реже мусульмане изменяли своей вере.

Надо сказать, что мир ислама, оказавшийся наследником многих древних цивилизаций (включая и античную греческую в византийско-ближневосточном эллинистическом варианте), создал свою мощную великую цивилизацию. Мусульмане сумели многого достичь в сфере культуры (включая поэзию), архитектуры, в некоторых областях науки (медицина или астрономия), не говоря уже о различных областях повседневной жизни. И если принять во внимание, что у истоков формирования и распространения этой религии стояли в подавляющем большинстве вехомые Мухаммедом и его преемниками полуграмотные бедуины либо малообразованные торговцы, такое умение заимствовать все лучшее нельзя не оценить. Ведь достигнув Пиренеев и создав на территории Испании блестящий по уровню культуры Кордовский эмират, арабы оказались на голову выше своих европейских соседей периода раннего Средневековья. От арабов многое заимствовали первые европейские интеллектуалы-гуманисты. Но продолжалось это не слишком долго. Вскоре после достижения пика своего величия, где-то на рубеже I–II тысячелетий, Арабский халифат начал слабеть и распадаться на части. Но это не мешало мусульманской умме обретать новых сторонников (прежде всего, среди огромного массива тюрок) и продвигаться вширь, осваивая новые регионы: Малую Азию и Балканы, Индию и Центральную Азию, Поволжье и Кавказ и даже такие далекие территории, как Индонезия и Малайя в Юго-Восточной Азии или Африка южнее Сахары. Хотя отсутствие сильных государственных образований не способствова-

ло военным успехам ислама, но, оказавшись в позднем Средневековье вновь объединенным под властью Османской империи, он опять заявил о себе как об огромной силе, которой вначале с большим трудом противостояла позднесредневековая Европа.

О противостоянии христиан и мусульман на ее территории и соседнего с ней Ближнего Востока стоит сказать особо. В наши дни ученые спорят о том, кто начал использовать терроризм как метод политической борьбы. Есть среди них те, кто связывает его исключительно с русскими народовольцами второй половины XIX в., что не соответствует истине. Первыми методы политического терроризма стали широко использовать в годы Крестовых походов именно мусульмане. Это – весьма показательная история. Примерно с XII в. секта низаритов – ответвление исмаилитов, которые в свою очередь относились к мусульманам-шиитам, – создала на севере Ирана в горном замке Аламут своеобразное государство, близкое по типу к суфийским орденам суннитов с их строжайшей дисциплиной и полным подчинением всех бойцов-мюридов обоготворенному предводителю-шейху. Но если другие ордена вели открытую борьбу с неверными, то низариты поставили своей целью воспитывать из молодых мюридов фанатиков веры – фидаинов, готовых по приказу шейха идти на смерть во имя Аллаха. Внушая им, что такова прямая дорога в рай, шейхи время от времени стимулировали их рвение гашишем, после чего приводили в скрытно устроенный прекрасный сад, где их привечали красавицы. Отрезвев и будучи уверенными, что побывали в раю и имели дело с гуриями, фидаины были готовы на все. Чаще всего они, словно предвосхищая современных шахидов, пробирались в лагерь крестоносцев и убивали их предводителей, с готовностью принимая после этого смерть. Такого рода практика продолжалась долго (замок Аламут был уничтожен монгольским Хулагу-ханом лишь в 1256 г.), оставшись в памяти напуганных столь дерзкими убийствами борцов за овладение Гробом Господним. Достаточно заметить что само слово «гашашины» (так стали именовать фидаинов) вошло потом в европейские языки.

Исторический эпизод с фидаинами-гашашинами свидетельствует, что уже в Средние века подобного рода готовность умереть за Аллаха с надеждой возродиться в раю играла важную роль в представлениях особо ревностных мусульман. Нет сомнений, что память о гашашинах сохранялась. И если подобного рода эпизоды

после Крестовых походов долго не повторялись, по крайней мере в массовых масштабах, то причину этого следует искать в том, что историческая ситуация с позднего Средневековья стала заметно изменяться, причем не в пользу мусульманского мира.

Как известно, появление и возвышение Османской империи сильно ослабило арабские государства, где традиции ислама долгие века были особенно сильны. Многие из них потеряли свою прежнюю мощь, а то и независимость, став заштатными провинциями империи турок. Несколько позже, в рамках кризиса державы Османов, такие провинции, давно уже ослабевшие и во многих отношениях отставшие от быстро развивавшегося христианского Запада с его успешным рыночным хозяйством и активными торговыми связями, становились колониями либо зависимыми от европейских стран территориями. Что, впрочем, не мешало мусульманам оставаться мусульманами. А мир ислама, несмотря на колониальную зависимость многих составлявших его стран, продолжал не просто существовать, но даже временами распространяться вширь. Однако для активного наступления на христианский Запад сил не хватало. С эпохи колониализма исламская цивилизация, как, впрочем, и другие ее восточные соседи, оказалась не в силах противостоять европейским державам, обладавшим бесспорными преимуществами быстро развивавшегося частного хозяйственного хозяйства и впечатляющими достижениями научно-технического прогресса, включая огнестрельное оружие. Оказавшись в положении неполноправных либо вовсе бесправных колоний (полуколоний), мусульманские страны длительное время существовали на обочине быстрыми темпами развивавшегося капитализма. Все резко изменилось только во второй половине XX в., после деколонизации, прошедшей под знаком возвращения независимости угнетенным народам и оказания им помощи в развитии. И в ситуации, когда мусульманский мир превратился в мозаику слаборазвитых государств, началось постепенное, но достаточно быстрое и с некоторых пор очень заметное возрождение ислама.

Толчок этому процессу дали нефтедоллары. Мусульманские страны, оказавшиеся обладателями огромных запасов наиболее ценного в современном мире топлива – нефти, использовали вырученные за нее средства (помимо пошедших на обустройство собственного, чаще всего немногочисленного, населения) на дело

торжества ислама. Следует оговориться: это вовсе не означает, что с момента, когда деньги всевозрастающим потоком потекли в исламский мир, они стали напрямую использоваться на организацию террористических актов. Проблема состоит в том, что правительства и богатые собственники отчасти в силу традиций, отчасти в стремлении укрепить влияние среди бедных сограждан были вынуждены – и вынуждены сегодня – часть баснословных доходов отдавать в руки тех, кто начал активную и в основе своей террористическую борьбу с «аморальным» Западом. Удобным каналом для этого стали различного рода исламские благотворительные организации или фонды, часто подставного характера.

Такие изменения долгое время оставались на периферии прежде всего потому, что «холодная война» между Западом и «социалистическим лагерем» во главе с СССР, расколов мир на две противостоящие могучие силы, стала центром внимания политиков, экспертов, аналитиков. Вся планета в те десятилетия оказалась как бы под воздействием этих двух полюсов с их мощным ракетно-ядерным потенциалом, способным многократно уничтожить все живое на Земле. Неудивительно, что в подобных условиях мусульманские страны, числившиеся обычно в длинном списке «развивающихся», не считались важными игроками на мировой политической сцене. В лучшем случае противостоявшие друг другу основные силы искали среди них сторонников, как бы не замечая, что процесс радикализации ислама уже начался. Традиционная недоброжелательность к неверным, к не свойственным для последователей Корана формам государственности и образу жизни стала трансформироваться в ненависть, стимулировавшую развитие исламского фундаментализма, или исламизма, – апелляции к «доброму старому времени», когда с врагами веры, следуя духу Корана и призывам самого Пророка, поступали весьма решительно, не жалея при этом собственной жизни.

Упомянутый процесс усугубляли политические изменения, возникшие сразу же после Второй мировой войны: перед миром ислама во всю свою мощь встала проблема Израиля, объединившая мусульманские, особенно соседние с ним арабские страны. Противостояние с этим государством нашло свое выражение в наращивании агрессивного политического и военного потенциала, направленного как против захвативших часть Палестины евреев, так и против Запада, который позволил сделать это. Потерпев на

протяжении немногих десятилетий ряд унижительных поражений от хорошо вооруженных и умело действовавших израильских войск, палестинские арабы, значительная часть которых была вынуждена покинуть занятые израильянами территории, обогатили арсенал борьбы терроризмом. Сделавший это Я. Арафат добился важного результата: о незначительной и мало кому известной до этого времени палестинской проблеме заговорил весь мир, потрясенный бесчеловечными актами террористов, убивавших безоружных людей (вспомним судьбу израильской команды на Мюнхенской Олимпиаде 1972 г.), взрывавших самолеты, похищавших заложников и т.п. Методы террора со временем становились все разнообразнее, а международный резонанс – более сильным. Особенно печально, однако, то, что практику террора палестинцев, в тот период все-таки «встроеного» в тактику войны за создание собственного независимого государства, позаимствовали их радикально настроенные соседи совершенно с другой целью – глобальной исламизации.

Одним из наиболее крупных мусульманских государств, на ситуацию в котором оказали сильное воздействие поражения, нанесенные палестинскими террористами «аморальному» Западу, стал шиитский Иран. В шиизме, в отличие от ортодоксального суннизма, глава государства не считался высшим религиозным авторитетом, как арабские халифы или турецкие султаны: для шиитов таковые – только потомки Мухаммеда. Всего было двенадцать прямых его потомков, причем последний из них в IX в. таинственным образом исчез (но, считают шииты, не умер, ибо тела его не нашли), не успев оставить наследника. Укоренившаяся вера, что этот скрытый двенадцатый имам рано или поздно явится как Махди (мессия), привела к тому, что правитель в шиитских государствах, в частности шах Ирана, не обладал сакральной неприкосновенностью и во время бурных событий конца 70-х годов его власть оказалась не защищенной авторитетом религии. В процессе проводимых шахом модернизации и индустриализации страны жизненные стандарты основной массы населения Ирана снизились. Этим воспользовалось недовольное им шиитское духовенство во главе с влиятельными аятоллами, один из которых – Р. Хомейни под лозунгами антизападного фундаментализма возглавил и успешно осуществил «зеленую революцию», завершившуюся изгнанием шаха и реставрацией норм «незамутненного»

ислама. Безусловно, нынешние иранские духовные лидеры нечасто прибегают к террористическим актам, но они весьма активно поддерживают распространившуюся в мире ислама тенденцию к возрождению фундаментальных ценностей, не исключая силовое давление на неверных. Отсюда – настойчивое стремление Ирана к овладению технологией производства ядерного оружия. С учетом этого обстоятельства нельзя не признать, что иранский фундаментализм едва ли не более опасен, чем терроризм, широко практикуемый палестинцами, а с недавнего времени и выходцами из Египта, Пакистана или Турции.

Говоря об этих, на первый взгляд, более или менее благополучных, отчасти склонных к демократическому пути развития странах, чье руководство порой активно (но, увы, с малым успехом) борется с террористическими группировками, нельзя забывать о том, сколь много сделала для их активизации неразумная война, развязанная СССР против Афганистана. Ее итог – режим талибов. Во время оккупации они были оставшимися без родителей подростками, которых охотно принимали пакистанские духовные учреждения, обучая их в духе набравшего силу и влияние и становившегося все более радикальным фундаментализма. Когда советские войска покинули непокоренную страну, именно выучившиеся за десятилетие агрессии талибы пришли к власти. Они установили в нищем и крайне отсталом во многих отношениях государстве режим террора против всего населения, по их мнению, позволившего себе в годы войны и коммунистического руководства страной слишком много отступлений от фундаментального ислама. Неудивительно, что именно в Афганистан, быстро ставший центром исламского радикализма, начали приезжать террористы, имевшие возможность открыто создавать там различного рода тренировочные лагеря, базы и иные центры. Здесь обосновался и ставший признанным лидером мирового радикального ислама и главой мусульманских террористов выходец из Саудовской Аравии У. бен Ладен. Здесь самое время заметить, что становящийся ныне все более массовым исламистский террор подпитывается не только радикальным шиизмом, но и ваххабизмом – своеобразным вариантом суннитского ислама, ставшим с середины XVIII в. основой антиосманского движения в Аравии. Осуждая роскошь и праздность, выступая против музыки, вина, кофе и табака (не говоря уже о таком противном духу Корана явлении, как культ свя-

тых), ваххабизм, приведший к власти в Саудовской Аравии династию Саудилов, оказался в наши дни в чем-то родственным «классическому» фундаментализму. Многие сунниты склонны видеть в ваххабизме некоего идейного его предшественника. Конечно, неслыханно разбогатевшая на продаже нефти Саудовская Аравия вроде бы не склонна к открытой поддержке терроризма. Однако это не означает, что ее нефтяные доллары не попадают в руки экстремистов, о чем свидетельствуют, в частности, расследования террористического акта 11 сентября 2001 г.

Следует также обратить внимание на еще один очаг радикализации современного ислама – мусульманскую диаспору в странах Запада. После Второй мировой войны европейские страны разрешили иммиграцию жителей своих бывших колоний, чем воспользовалось немало исламских семей. В результате практически во всех государствах Европы теперь существуют многочисленные мусульманские общины. И это неудивительно, ибо мусульманин, приезжая с женой и детьми, может вернуться на родину и привезти еще трех разрешенных ему шариатом жен. Каждая из них, в отличие от европейских женщин, не знает и не хочет знать, что такое контрацептивы, не изменяет своих веками воспитанных убеждений, что нужно рожать столько детей, сколько пошлет Аллах. В итоге за два-три поколения, прошедших после начала активной миграции, доля исламских анклавов в странах Европы достигла порядка 8–10% населения и продолжает увеличиваться быстрыми темпами.

Этнокультурная дистанция между этими иммигрантами и населением принимающих стран по большинству параметров оказалась непреодолимой. Приоритеты доминирующего общества в странах нынешнего проживания чужды многим мусульманам, и они готовы яростно отстаивать привычный жизненный уклад и традиции. Такая позиция гарантирует им роль социальных аутсайдеров, компенсирующих свой низкий статус агрессивным поведением. В этой связи достаточно вспомнить, как во Франции активисты радикального ислама оскверняют и разрушают синагоги, глумятся над еврейскими кладбищами, навязывают обществу дискуссию о ношении хиджабов в школе. В этом же ряду – убийство в Голландии режиссера, снявшего документальный фильм об отношении к женщине поселившихся здесь мусульманских мигрантов. Сказанное выше подводит к неутешительному выводу глобально-

политического характера. С крушением так называемого мира социализма на поле идеологического и геополитического противостояния между тоталитарным СССР и демократическим Западом возник вакуум. Политологи и журналисты в последние десятилетия охотно и довольно много рассуждали, станет ли мир однополярным, биполярным или многополярным, одновременно выдвигая какого-либо кандидата на место рухнувшего СССР. На мой взгляд, такой подход непродуктивен. Сколь бы ни были сильны США, объединенная Европа или Китай, не этим гигантам суждено определять новую конфигурацию глобального противостояния, а исламу радикальных толков. На это можно возразить, что речь идет о наиболее активных и агрессивных экстремистски настроенных, в основном молодых его сторонниках. Большинство же мусульман – мирные люди, которые никому не угрожают. Пока это действительно так, но обольщаться, что так будет и впредь, не следует.

Достаточно взглянуть на ситуацию в мире непредвзято, чтобы увидеть, как вакантная позиция на поле геополитического напряжения в наши дни быстрыми темпами заполняется именно исламистами, количество которых, увы, растет. На смену биполярному миру XX в. с характерным для него противостоянием ракетно-ядерной мощи двух сверхдержав на передний план выходит острое противоборство в сфере идей и соответствующей им модели общественно-политического развития. В этой связи нужно обратить внимание на то, что современный исламизм очень близок, даже в чем-то родствен тоталитарным доктринам прошлого столетия. Сторонники того и другого в равной мере отрицают демократию. Это означает, что основа идеологического напряжения осталась почти неизменной. Переменился лишь состав сил. На той стороне, которую прежде занимал тоталитарный СССР, прочно разместился радикальный ислам. И России волею судеб, хотя многие этого не понимают (или не хотят понимать?), придется отныне и, возможно, надолго занять другую часть поля, на которой всегда был демократический Запад. Иного выхода у нас просто нет. Идет ли речь о Кавказе, об Ираке, не говоря уже об Израиле, наша позиция должна быть принципиальной и неизменной. Ибо ставка велика: либо демократия как форма общественного устройства, либо радикальный деспотический исламизм.

Рано или поздно это поставит очень сложные задачи перед нашими политиками и генералами, многие из которых пока еще не в состоянии понять, насколько изменился привычный мир. Противостоящий нам противник – радикальный ислам – активная, энергичная, молодая и ревностная в своих идейных позициях сила, опирающаяся на фундаментализм времен появления Корана. Недооценивать этого нельзя.

*«Общественные науки и современность»,
М., 2006 г., № 1, с. 83–90.*